

Людмила Колодяжная

ПОЭТ РИСУЕТ СЛОВО

**Избранные стихотворения
2007 – 2008**

Москва, 2008

Людмила Колодяжная – филолог, поэт, член Союза литераторов России, автор 20 поэтических сборников, стихи и песни на стихи Л. Колодяжной опубликованы в различных журналах и альманахах, а также в сети Интернет на сайтах:

www.wco.ru/biblio (Библиотека «Благовещение»)
www.akhmatova.org (сайт посвященный Анне Ахматовой)
www.pereplet.ru (журнал «Русский переплет»)
www.poesis.guru.ru (Поэзия Московского университета)
www.poezia.ru (журнал Поэзия.ру)
www.tropinka.orthodoxy.ru/ (Православные страницы
А. Вострикова; песни А. Долгополова
на стихи Л. Колодяжной)
www.orth.narod.ru (Немного о православии)
www.gospodi.com.ru (Православная поэзия)
www.religios.narod.ru (Религиозная поэзия)
www.kuzmicheva.ru (сайт композитора Ольги Кузьмичевой)
www.matyuhin-songs.narod.ru (сайт композитора Александра Матюхина)
www.nikolaevainna.narod.ru (сайт композитора Инны Николаевой)

ВСТУПЛЕНИЕ

*Поэт рисует Слово,
как Ангел, на песке,
его не слышно с'оло,
лишь пепла горсть в руке.*

*Довлеет дневи злоба...
Но не молчат уста,
пера – опасна проба,
когда тропа пуста.*

*Пока слова рисует
поэт – как Бог, он жив,
а тот, кто не рискует,
тот мертв и пуст, и лжив.*

*День нынешний довлеет
в дыхании строки,*

*а завтра кто-то склеит
дней наших позвонки.*

*Пусть Саломея пляшет,
веселье – зла исток,
но смертную пьет Чашу
в Саду уставший Бог.*

*Довлеет злоба дневи,
и в гневе – вечера,
но зреет боль в напеве
всё та же, что вчера.*

*Строки подъём изломан,
но в путь спешит рука,
и уголёк не сломан,
и ждет – пуста-доска.*

*Строка на побережье
размыта болью волн,
а завтра – ветер свежий,
и Сад, и крест, и холм...*

Избранные стихотворения 2007 года

Что-то зимнее

Окно в плену притихшей снежной взвеси,
чуть дымчатой, слетевшей из угла
твоей вселенной, чтобы я смогла
задумчивость твою уравновесить,

лучами взглядов образуя нить,
связующую зыбкие два мира,
чтоб звук струны, созвездье тронув Лире,
ты смог, как ангел, в сердце уронить

мое... Чтоб мне воссоздавать
простор, лучами штопая прорехи,
и восхищаться – как умели греки
скоплениям точек имена давать...

А мне – каким названьем укротить
стремящийся к ладони снежный ворох,
чтоб каждый звук и каждый всплеск и шорох
со мной, как ты, сумел заговорить,

чтобы безмолвия преодолеть унынье,
и будущее с прошлым увязать...
Какое дать снежинкам этим имя,
замерзшим на ладони – Благодать?

*«Сохрани мою речь навсегда...»
Осип Мандельштам*

Где-то в памяти ты сохрани,
даже, если запомнишь не сразу,
эту жизнь, что оборванной фразой
сушит время и тушит огни.

Даже, если все станет чужим –
что-то вечно тревожит, как и'скус,
только горечь надежна, как привкус,
как утраченной родины дым.

Даже, если покроется мглой
угол, что на утратах построен,
ты утетишься сладким настоем –
кругового терпенья смолой.

Каждый круг этот равен беде,
возраст древа исчислен веками,
но звезда шевелит плавниками,
отражаясь в крещенской воде.

Только это ты сможешь сберечь –
свет звезды, восходящий кругами,
да еще – в шуме времени, в гаме,
оклик мой, словно тихую речь.

Эту речь сохрани навсегда,
даже, если она оборвется,
в глубине, где мелькнет, как в колодце,
словно Божие око – звезда...

Вздывается облако. Утро. Редуют просторы,
и с веткой черемухи кружит вернувшийся ветер,
бросает к ногам, и, коварный, взлетает проворно,
и снова – один ты – и в доме, и в клети, на свете.

Он к по'лночи – звездам следить за тобою поручит,
и сонмы посланцев – для шелеста крыльев – отрядит,
измерит звезда тебя взглядом далеким, колючим,

как будущий ключ, как источник небесной прохлады.

Тебе на земле уже мало осталось так дела –
пробелом межстрочным утешить седины страницы,
следить, чтоб слова шли в ту даль, до черты, до пробела,
и в высь улетали, скользя по невидимой спице.

Чтоб фраза сложилась, как жизнь, так легко и покорно,
из сердца слова вызволяя, как будто из плена,
чтоб белой метелью, став пленницей улицы черной,
растаяла жизнь – как прильнувшая к вечности пена...

Пусть, слова – след простыл... И не предугадать...
Пусть, станет все не так – Орфей не обернется.
Но ты – в мой ад сойдешь, чтоб путь мне указать,
ведь только в жизни – ждать, а в смерти – не придется.

Пусть слово со страниц в бессмертье перейдет,
как ласточка весной заденет за живое,
и на устах твоих, как весть моя взойдет,
беспамятство гоня и отведя «пустое».

Тогда и ты поймешь последнее: «Прости...» –
которое всегда запрягано в рыданье,
захочешь удержать – но слова след простыл,
остался только зов, как звон, как сон, сиянье...

Ведь, если, кто-нибудь разрушит древний храм –
появится Пророк и Словом – восстановит,
и вестью пробежит то слово по устам,
и твой уставший слух – утешный звук – догонит...

И как, порой, звезда с звездой говорит,
так мы с тобой молчим, но тишина бездонна,
и лишь бессмертный Дух, зажжен звездой, горит,
чтобы слова творить в чаду ночей бессонных.

Любить и узнавать – с трудом дается власть,
принять земной закон и нам с тобой придется...
Но, может, нам дано – не с высоты упасть,
а воспарив – лететь, покуда сердце бьется...

Читаем о Рае...

Посреди иного Света
дерево и пряди веток,
меж тенями луч струится
на старинную страницу,
птица, ангел ли летает –
над словами вырастают
столбики лучистой пыли,
серебристые как крылья,
те слова, что ближе к краю,
говорят о дальнем рае,
те что, произносят редко,
шепчут тихо о запретном
яблоке, что вдруг круглится
словом новым на странице,
чтобы нам над ним склонится,
что-то прочесть меж строчек,
и отведать – лишь кусочек...

Уже мы знаем – каждый свой шесток
и каждый закоулок дома-клетки,
и лишь свиданья тайного росток
из будничной выплескивает сети.

И мнится океаном – водоем
старинной комнаты, где ангел нарисован,
и снова к горизонту мы плывем,
к тем островам, что манят робинзонов,

где край земли уже похож на край
вселенной той, мерцающей сквозь годы,
где кроме звезд, есть Бог, есть ад, есть Рай
и то, чего мы лишены – свобода,

которой мы отпили лишь глоток,
но так, что звездные качнулись сети...
и нам уже не страшен тот шесток
и каждый закоулок дома-клетки...

ЛАДОНИ

1 *«Весь этот мир как на ладони...»*

Небесный проблеск робко тронет
лучом – подобием венца –
весь этот мир – как на ладони
лежащий вечно у Творца.

Мой взгляд пока никто не гонит
от линий твоего лица,
когда вокруг него ладони
летят, как крылья у Гонца,

когда все слаще и бездонней
те дни, которым нет конца,
когда мы, как птенцы в ладони
спасающего нас Творца.

Но как предчувствие погони,
предчувствие смертного конца,
когда протянуты ладони
вдоль переключков, близ торца...

Когда прощальный взгляд твой тронет –
из-под тернового венца –
весь этот мир – как на ладони
лежащий вечно у Творца.

2 *«Ладонью пересеку...»*

Ладонью пересеку
бездонную воздуха гладь я,
берегом времени по песку
перенесу тоску,

лунная ладья-
ладонь причалит к твоему виску...
Ладонь - колыбель,
в которой тепло

щеке усталой,
помнишь, к ладони влекло
голубей -
духов святых - из далей...

Помнишь, ладонь легко
разматывала клубочек-
путь к тебе, когда далеко
ты был, голубочек...

3 *«Когда сведу ладонь с ладонью...»*

Рукой моею рождена -
от твоего прикосновенья -
река строки, как тишина

войдет в покой стихотворенья.

Ей кажется, что на века...
Её укроют букв ресницы,
она взрывает, как зигзаг,
густое облако страницы.

Строку - рукою не унять,
ей так тесны страницы пяльцы,
она торопится догнать
смысл, уходящий из-под пальцев.

Но я - тебе её верну
уже покорной и бездонной,
в твою святую тишину,
когда сведу - ладонь с ладонью...

Реквием

(памяти Катюши, 1 ноября, 2006)

Как мало ты жила, когда сравнишь
твой путь с тропами тех, кто помнят
тебя, когда, лишь
торжествует тишь
в пустых теперь
шкатулках детских комнат –

таких потерь
нельзя перенести,
ведь нам нести
вспоминанья бремя
туда, где не дано перевести
две стрелки, восстанавливая время,

твой облик, взгляд, недетскую судьбу,
и золота волос – и шелк и россыпь,
ты все узнала – райскую тропу,
обрывов ада каменистых осыпь,

а мы, теперь привычные к беде,
живем воспоминаньями – во имя
ребенка-ангела, о чьей судьбе
задумаешься только – сердце стынет...

Как мало ты жила – всего лишь шесть
неполных лет... Но возросла душою
до тех высот, где твой недетский жест
царит над нами... К вечному покою

приблизилась настолько рано ты,
что даже мы, готовые ко встрече
с неведомым, молчим у той черты,
где так мелки земные наши речи...

Стремится жизнь необъяснимо
В глухую даль, в страну распада.
Там – тишина, как в пантомиме,
от равнодушных – душно взглядов.

Там горизонт Столицы в дымке,
изломанный особняками.
Там мы проходим, невидимки,
по вехам, что росли веками,

Лишь на одно имея право –
держаться ниточки напева,
стать побежденным, но быть правым,
чтоб боль не исчезала – слева...

Юлят во тьме июльской ветви,
звезда в листве устало тонет,
суля прохладу, дальний ветер
сближает жалостью ладони.

Седая мантия заката,
как чей-то плащ, подбитый красным.
Жизнь отступает в даль распада
необъяснимо, ежечасно.

Наука Овидия

Причастники науки той заочной –
глядим в себя, лишь изредка – вовне,
и видим: жизнь уходит в тишине
прочь от себя по ниточке непрочной,
как шествуют лунатики во сне...

Ты снился мне, пока чужой, но ход
событий был чреват той м'укой,
что названа Овидием – наукой...
Ничто не предвещало тот исход,
когда уже неразлучимы руки,

тела и души, свитые в одну,

где каждый шаг не ставится в вину,
пусть торопливый, иль неторопливый,
на тот похожий, где бежишь по льну
дорожки лунной тенью молчаливой,

уже не удивляясь нагоде
потусторонней, ибо, в лунном свете,
в луче том, неподвластном темноте,
тела и души радостны, как дети,
или, как те изгнанники, как те,

что не сумели справиться с собою
и пленниками стали тех утех,
что в нашем мире названы любовью –
ее не избежать – и мы с тобою
лишь повторяем неизбежно – тех...

Твой Дом

Распались дни, и прошлого фрагменты
лишь в памяти сливаются в одно –
их обвиваешь траурною лентой
и пускаешь медленно на дно.
И дом встает... Теперь – уже ничей,
слетает позолота с тех лучей,
что в дом ломились утром, рано-рано,
где были мы друзьями всех вещей,
но первым другом было – фортепяно.
Оно теперь молчит, не ждет, не плачет,
и белых клавиш не вздымает пену...
На нем играл русоволосый мальчик –
клавиры Баха и ноктюрн Шопена.
Теперь и он прошел до середины
судьбою предназначенный отрезок –
в стране, где нет берез, и нет рябины,
где прошлое – непрошенный довесок.
Дни распадутся, никуда не деться,
и линии сотрутся на руке,
как очерки событий... Только детство
старинным домом встанет вдалеке,

где неизменно только фортепяно,
среди других распавшихся вещей,
где клавиши лишь вспыхнут первозданно –
от позолоты утренних лучей.

Пусть не коснется нас молва,
пусть летний дождь о нас заплачет,
пусть прозвучат, уже иначе,
в дали, в небесной колыбели,
для нас рожденные слова,
на луч нанизаны едва,
лучом тем скреплена листва,
как мы, тоскою беспредельной,
как гладью водной – острова,
как хлопья – в облаке метельном...

Лето Господне

То, что когда-то мы нашарили,
пускай потеряно сегодня...
Зари осенними пожарами
год начинается Господний.

Пусть слов моих кружатся оводы,
тебе покусывая ушко,
горячий шепот – редкий повод
пройти сквозь радуги воздушные.

Пусть жизнь сгорит в осеннем пламени,
пусть мы с тобою – не в фаворе,
пусть не затмит нам счастья давнего –
грядущего пустое горе.

Пусть мы прошли сквозь счастье нищими,
всё принимая – кнут и пряник,
насыщенных небесной пищею –
чужой ломоть уже не манит.

Ведь только встречей дорожили мы,
в чужой приют входя отважно,
где всё, что в спорах ворошили мы,
в тот краткий час казалось важным.

И пусть короткое кружение
над жизнью – выпало не часто...
нам удалось преобразование
совместно прожитого часа.

Пусть будут ангелом проявлены
двух частных жизней негативы,
ведь всё, что здесь бедой оплавлено,
там – нам увидится счастливым.

Вот потому, ищущ я повода –
пройти сквозь радуги воздушные
чтобы слова-кружили-оводы
горячим шепотом, на ушко.

Призыв твой – ветра вызов,
узнавшего боль света,
прошедшего сквозь призму
колеблющихся веток.

Приказ твой – вспышка молний
над берегами серых
озер, где плещут волны
меня держащей веры.

Но дней моих долина
тебя не привлекает,
лишь мне путь выпал длинный –
идти от края – к раю.

Завет тобой нарушен,
и радуга – не вспыхнет,
дрожа, дугой воздушной,
когда гроза утихнет.

Отказ твой плещет светом,
прощальным переливом,
запутавшимся в ветках
к тебе склоненной ивы...

Маленькая Екатерина

Она и хотела быть монашенкой
монастыря Святого Паисия...
Теперь она – ангел, смотрит из башенки
облачной, из небесной выси.

А тело нетленно лежит на погосте,
в пустыне, с холмами над горизонтом...
И мы с тобой приезжаем в гости
к ней, в далекую Аризону,

туда, где нет тьмы, где столько света
зимой и летом в листве играет.
Край этот кажется краем Света
нам – и небесным раем.

Мы идем к кресту и смотрим, как тает
над горизонтом облачная перина.
Девочка наша – теперь Святая,
Маленькая Екатерина...

Береза склонила низко
благословенный ствол,
словно, равная, словно близкое
самое – существо.

Словно с тобою, с нею можно
о жизни поговорить,
вместе с ветром она поможет
молитву Божию сотворить.

Ты, далек – ты ангела вроде,
неслышим и невиди́м,
крылья твои надо мною бродят,
бередят заоблачный дым.

Не повторяется то, что пройдено,
дважды – не переплыть,
все же, прошлое – это родина,
которую – не забыть.

Мы – далекие, мы – два берега,
прошлое кажется сном,
а настоящее – это дерево,
склоненное над окном...

Памяти Петра Боровикова

Август, пора потерь,
Блок, Гумилев, Марина,
свечи из стеарина,
свет, что в душе не стёрт,
август, пора потерь,
а теперь
вот и Пётр –
поколение другое...

Поэты всегда изгои,
целующие в темя
измученное время,
которое обгоняют,
которое изгоняет

их (время капризно) –
во веки и присно,
ныне, теперь,
август, пора потерь...

Рождество Богородицы

В утреннем раннем тумане
церковный звучит прокимен
в честь Дочери праведной Анны,
праведного Иоакима.

Ей суждено стать Девой,
что в храм – не входит, а Вводится,
Ей суждено стать первой,
названной Богородицей.

Будет жить неизвестной,
пока Её не откроет
Архангел, небесный Вестник,
ранней весны порою.

Ей выпадут страшные муки
Голгофы, мученья крестные,
Ей тело падет на руки –
Сына, Христа воскресшего.

Вынесет всё покорно,
Царица, Небесная Мати,
укроет нас омофором
Своим – на каждого хватит...

Вот потому в тумане
церковный звучит прокимен –
в честь Дочери праведной Анны,
праведного Иоакима...

Пусть сбивает листья косяками рыбьими
к берегу дорожки, там, где я иду
без тебя, чуть медля, к тронутому сыпью
лепестков березовых, темному пруду,

в первой позолоте пасмурного утра,
где волна колотит в берег, где не ждет
там никто, на пристани, только пара уток
совершает пробный первый перелёт,

чтоб потом отправиться в даль, рискуя, к Югу,
где в домах папирусных невесомый кров,
а меня с тобою ожидает вьюга,
зимне-русский первый ледяной Покров.

За окном застынет праздничная стужа,
и отточит Муза впрок карандаши,
чтоб писать о чем-то, никому не нужном,
что еще мерцает в уголке души...

А пока – пусть бьются косяками рыбьими
листья на дорожках, там, где я пройду...
Грею цинандали – золотую выпью
чашу, отгоняя, может быть, беду...

«...смотреть на небо и молиться Богу...»
Анна Ахматова

Жить надо, чтобы, словно шепот ждать
осенний дождь, чтобы молиться Богу,
вплетая строки чьи-нибудь в тетрадь
чтоб утомить ненужную тревогу,

смотреть, как незаметно зреет горсть
рябины, становясь к морозам красной,
и слышать, как скрипит земная ось,
когда растет осеннее ненастье,

и приходиться к тому, кто не зовет,
к порогу приносить охапки свежих
страниц, и знать, что он их не прочтет,
но сей подарок, может быть – утешит,

и видеть: выпрямляется стезя
к концу пути, когда душа не ропщет,
уже предвидя – повернуть нельзя
с тропы, ведущей в ночь Масличной рощи,

где лишь молитва разрезает тишь
в Саду, что оглушен листвы прибоем,
где ты, как Бог – пред Богом предстоишь,
перед последним неизбежным боем...

«С ключей скрипичных слепки сняты...»

Не говори мне только «нет»,
и в сотый раз меня с ума ты –

сведи, играя лунный свет
одной бетховенской сонаты.

И пусть расходятся лучи,
как жизни будущей дорожки,
белеют клавиши в ночи,
покрыты лунною порошей.

За звуком звук – меня веди,
лунатик вечный, свет играя,
туда, куда мне нет пути –
в пустые лабиринты рая.

За звуком тянется пусть след,
чуть безнадежный, как дорожка,
как продолженье наших бед,
которых нет уже – дороже.

По клавишам меня веди,
гармонии знаток и пленник,
пусть обрываются пути,
но не кончаются ступени.

Сна – нет... И «нет» – не говори,
молчанье – золота дороже,
из дрожи пальцев сотвори
сонаты лунную дорожку.

В слепой ноч'и – запретов нет,
с ключей скрипичных сл'епки сняты,
и пусть клубится лунный свет,
пробивший лабиринт сонаты...

Лотова жена

Последняя горная вьется стезя
перед женою послушною...
Шла, зная – оглядываться нельзя,
чтоб Ангела – не послушаться.

Но что там ждет, в чужеземной дали? –
Судьбы неизвестен очерк...
А перед нею за Ангелом шли –
Праведный Лот и дочери.

И за спиной пламенел Содом...
– Что, если случайно споткнуться,
на миг прощальный увидеть дом –

нет, нет – нельзя оглянуться,

ведь город Божьим казнен судом,
на камне не станет камня,
но неужели и милый дом
охвачен небесным пламенем?

Так – в горней шла она тишине
по камням скользским и гладким...
– Господь велик, пусть простится мне
последняя в жизни оглядка.

Она оглянулась... И Тишиной
Вдруг стала – навек, бессрочно...
Не слышал Лот шагов за спиной,
и вдоха – не слышали дочери.

Она стала меньшею из утрат,
Но доля её – тревожит...

Отдавшая жизнь за последний взгляд,
который, как вызов брошен...

**«На столе забыты
хлыстик и перчатки...» Анна Ахматова»**

На столе заброшенном – жизни отпечатки,
в хрупком быте кем-то, ненароком, брошены,
как в словах растущих буквы-опечатки –
черные перчатки, четки, бус горошины...

Вечно – луч из тени вещи вынимает,
возвращаясь к небу по ступеням желтым,
как и он, ушел ты, не даря вниманьем
эту мелочь жизни – своим взглядом шелковым.

День ли одевает вещи пылью-пудрой? –
но и припорошены, очертанья 'ясны,
в чистом одиночестве сердце станет мудро,
возвращаясь честно к прежней жизни частной.

Луч, как ты, внимает облакам устало,
но воспоминанье надо мною кр'ужит,
как строка, которую я тебе читаю
там, где вечны вещи, где бессмертны души...

Вошел и встал перед киотом,
и осенил себя крестом,
закат с небес кровавым п'отом
стекал и медлил за окном.

Но невид'имо крест держался,
твоей начертанный рукой,
ты на глазах преображался,
уже иной вед'ом судьбой,

оставив за земной стеною
земное зло и скудный быт,
мне стать хотелось Тишиной,
чтоб за тобою восходить

туда, откуда нет возврата,
куда мы мысленно, порой,
летим туда, где ты лишь братом
мне кажешься, а я – сестрой...

Как и прежде строка прядется
из твоих несказанных слов,
осень третья как прежде придётся
на четырнадцатое, в Покров,

и в строке голубою жилкой
неотвеченный бьется вопрос –
неужели до первой снежинки
далеко как до первых звезд?

Все же молимся, ждем не ропщем,
снега ждем, как первых вестей,
в дни, когда «отряхает роща
лист последний с нагих ветвей»,

и из хлопьев медленных сшитый –
с облаками вместо заплат –
к нам с небес упадет защитой
Богородицы белый плат...

Годовщина
(памяти Катюши)

Кто скажет «Нет», когда ты – есть...
На птичьей высоте, над твердью
звучит твоя небесна весть,

чтобы и нам – достичь бессмертья.

Разбужен ангельской трубой
мой дух... Склонясь над Книгой Главной,
я слышу детский голос твой,
когда читаю Иоанна.

Твой голос раздвигает тишь,
как обретенная потеря,
и «Смерти нет», – ты говоришь,
тебе внимаю, вторю, верю.

Как синева иных начал,
твой взгляд бездонный надо мною...
На высоте есть твой причал,
где ты встречаешь тишиною,

той, что единственный ответ
из той дали, как сон безбрежной,
где говоришь ты: «Смерти нет,
всё отошло, что было прежним...»

Осень. Снова перелёт
совершишь душой за грани,
к неизвестному изданию
жизни, в новый переплёт,

где былой судьбы исход
остается неизменен,
где ложится на ступени
снежный времени налёт,

где восходишь на крутой
холм, одолевая робость,
будущих творений, чтобы
жизнь не стала пустотой,

где читаешь, как урок,
жизни уходящей очерк,
вспоминая детский почерк
в перебежке прежних строк,

чтобы кто-то перелёт
совершил душой за грани,
неизвестного издания
открывая переплёт...

«Так долго вместе прожили, что вновь...»
Иосиф Бродский

Прож'или столько, что душа без слов
твоя доступна мне (срослись ветвями)... Корни
остались всё же в дебрях старых снов,
их разметал по свету ветер-дворник.
Не всё ль равно – лопата ли, метла ль?
Листовою золотой забита даль.

Всё помнят ветви: солнце, дождь ли, снег –
единой сетью ставшие навеки,
всё знавшие – уколы звёздных вех,
листву сухую, новые побеги..
Им только бы до неба дорасти,
сказав друг другу робкое: прости.

Всё помнят ветви: изнутри, вовне,
растя побеги, внемля тишине,
какой б сутью вечной не назвались,
подвластны только солнечну лучу,
зажегшему последнюю свечу,
на свет которой – мы перекликались.

Прожили столько, не считая гроз,
заряженных внутри родным покоем,
прожили столько, не считая грёз,
грозивших стать бесплодною, сухою
мечтою, уходящей, как закат,
в те дни, откуда нет пути назад...

Прожили столько, что грядущий миг
любви, казавшейся небесным даром,
вдруг растворялся, прежде, чем возник,
и мы склонялись под судьбы ударом,
друг друга призывая и кляня –
два лепестка чудесного огня.

Прожили столько, что уже ясней
становится сближение двух теней,
сказавших о себе в единой мысли,
в которой слов всё тяжелее гроздь,
поскольку, души, разлетаясь врозь,
сближаются уже – в небесной выси.

Сольвейг

«Сольвейг прибегает на лыжах..» Ибсен

Звездный луч прольется солью,
свет оставив на судьбе,
я сегодня – буду Сольвейг,
прибежавшею к тебе.

Я приду к тебе на лыжах,
когда кончится пурга,
чтоб огонь увидеть рыжий
сквозь оконце очага.

Я мелькну легко, как вежа,
на пути, на рубеже,
чтоб войти осколком смеха,
вспыхнувшем в твоей душе.

Я найду твою избушку,
на опушке, близ сосны,
пусть любовь над нами кружит,
вечерами – до весны.

Чтоб не знали – ночь ли день ли,
что нам делать? – встать, уснуть...
Чтоб могла неслышной тенью
сквозь калитку ускользнуть

в жизнь свою, где солнце брызжет,
неподвластное судьбе –
от тебя сбегу – на лыжах,
от тебя сбегу – к себе...

*«Песенка – лесенка в сердце другое...»
Велимир Хлебников*

В сердце плеснет ли – твоя мне песенка,
луч ли стрелою пронзит туюю,
словно дорожку в сердце другое,
строю из слов воздушную лесенку.

Песенка ищет тропинки витые,
как на путях воздушных изломы,
там, где в лучах пастушьей соломы,
светят глаза простодушно-святые,

как на иконе, увиденной в детстве,
там, где свет угадан за мглою,

луч ли пронзит тугою стрелою,
или песня плеснет мне в сердце,

только знаю, что кроме дома,
кроме стен, к судьбе равнодушных,
есть тропинки - далее воздушных,
словно лестниц святых изломы...

Когда не придет ответ на вопрос –
ни от тебя, ни свыше,
натянем на ветви чистейший холст
и жизнь нашу занова вышьем.

Пусть будет дерево, лепестки
травую заросшего Сада,
исток и устье жизни-реки
и грустной ивы прохлада.

Мы вышьем слова коротких молитв
стежками, мелкою лептой,
и вдруг заметим, что ствол обвит
всё той же змейкою-лентой,

что нас ожидает тот же исход –
любви... Взгляд во взгляде тонет,
и сердце падает, словно плод,
когда-то обжегший ладони...

«Где кружит Птица-Русь...»

Край размытых дор'ог
и дождя в ноябре,
но в означенный срок
тонет он – в серебре.

Край, где краше берёз –
в рощах тропки дор'ог,
край, где Север белёс,
край, где ветер продрог.

Край, где в облако слит
дым, маяча, из труб,
край горячих молитв
над прохладною губ.

Край, что Богом храним,
край босых, да святых,

край равнин, да рябин,
до кров'и налитых.

Божий Образ взвилс'я –
на Него – ты похож,
край, где ты родилс'я,
и куда ты придёшь –

в край, где держится грусть,
грусть без края-конца,
где круж'ит Птица-Русь,
с ликом Агнца-Гонца...

***«День Введения во храм Богородицы
Есть бесспорно введение в зиму.» Борис Пастернак***

Изласкан лоск паркета тенью,
игре лампад благодаря,
поскольку завтра – день Введения.
Зима. Начало декабря.

Зима. Пера опасна проба,
строки заиндеветший куст
растет упрямо над сугробом
моей страницы. Вечер пуст.

Но куст-багульник, слава Богу,
из хрусталя пьет влагу. Пусть,
не век же быть зиме, эклога
строкой пологой гонит грусть

из уст в уста – пока напьется
багульник, влаге снежной рад,
пока всё чаще сердце бьется,
как пламя в чашечках лампад...

Я голосу доверюсь, как лучу,
я окружусь им, как цел'ящим бинтом,
пусть он звучит, а я вослед иду,
и не хочу уйти из лабиринта.

Хочу навечно – Эвридикой быть,
твоей душой, бесплотной тенью, феей,
чтоб ты не смог ко мне тропы забыть,
и каждый день в мой ад – сходил Орфеем.

И я согласна на опасный яд,
согласна на посмертную загадку,
чтоб снова встретить твой мгновенный взгляд –
той обжигающей любви-оглядки.

Безвыходности слажен лабиринт,
над полем асфodelей – дали дышат,
невидимой тропы круж'ится винт,
но даже ты – еще по ней не вышел...

Проведи меня в комнату, где
приютилась на высоте
твоя люстра – хрусталь, пятно,
без которого мне темно.

Проведи до того угла,
где когда-то любовь была
и осталась там, средь теней,
я хочу повстречаться с ней.

Возведи до того этажа,
где моя возлетала душа,
разреши мне с той высоты
вновь увидеть твои черты.

Очертить перекрестье рам –
из окна там был виден храм,
вырастающий из земли
над березовой рощей вдали.

Проведи до того угла,
где от свечки таяла мгла,
и от пламени этого вновь
возгоралась наша любовь.

Приведи меня в этот дом,
чтоб согреться его теплом...

Високосная молитва

Нависает – высок, високосен –
Год, надевший зимний клобук,
пусть же, время еще не скосит
нас, как скашивает каблук.

Снова делится на четыре
нарастающее число,

каждой цифры прозрачная гиля –
тронет чашу, как ночи крыло.

Холодок, щекочущий темя,
всё же ближе, чем нежность рук...
канет в Лету вчерашняя тема,
вылетая за прежний круг.

То, что мнилось судьбы ударом,
покосившим домашний сруб,
вдруг окажется тайной, даром,
обновив шелестенье губ.

Неизбежность числа умножим
на неясные рубежи,
вера в чудо еще поможет –
даль грядущего пережить...

Избранные стихотворения 2008 года

Вечер мглист, на руке серебрится
снежный прах из игольчатых крох,
и каблук оставляет ребристый
след на стыке неясных дорог,

вспоминаешь, что было хорошего,
словно весть, голубиный исток,
снежной скатертью припорошенный
узел первых непрошенных строк,

за стихи – не суди меня строго,
за пробелы пророчеств в судьбе,
ведь из строк сплеталась дорога,
я по ней – восходила к тебе,

я тебя не зову, не жалею,
только жаль, что узы тонки,
что бездонной мглою – не склею
дней утраченных позвонки,

дней, что были, как проблеск, кратки,
свет их кроток – на стыках дорог,
как короткие зимние Святки,
заметавшие снегом порог...

У тебя на дверях – подкова,
Реют птицы с ветвями олив,
Как в Раю, покой образцовый,
Как монах, ты живешь, счастлив.

Ангел входит к тебе без доклада,
Укрепляя небесный тыл,
Вместо окон – резные складни,
Вместо слов – шелестенье крыл.

Для меня не найдется места
В доме, где царит благодать,
Буду я – Христовой невестой
Зимы долгие коротать.

Но однажды, в пустом покое
Над тобою склонится лик
той невесты *твоей*, о коей
Ты забыл за чтением книг...

Я войду к тебе без доклада,
Не в ладу с твоей тишиной,
И в страну с небесным укладом
Возвратится – простор земной.

**«...Мимо страшной церкви Божьей
мне идти.» Марина Цветаева**

А на твой порог запрет,
строго, ангельский положен,
чтобы мне идти на свет,
как во сне, до церкви Божьей.

Твоей двери звук певуч,
но без веры – вход загадан,
потому, иду на луч
в Божий дом, где вьется ладан.

Ангел, брат твой, сторожит –
не пройти в ночи безлунной,
путь мой зимний вдаль лежит,
в церковь, мимо врат чугунных.

Над твоей загадкой бьюсь –
строго заперт дом твой вехой,

но украдкой тороплюсь,
внемя Богу – к человеку...

«Воронеж - блажь, Воронеж - ворон, нож...»

О. Мандельштам

«по хрусталиям я прохожу несмело...» А. Ахматова (Воронеж, 1936)

Когда-нибудь, когда уронишь
в день будний слово «Позабудь»,
я от тебя сбегу в Воронеж,
в Саратов, в глушь, куда-нибудь,

туда, в замес метели белой,
в тот город-ворон, город-ёж,
куда по хрусталиям несмело
вослед за мною не пойдешь,

туда – на родину Кольцова,
ад Мандельштама, рай щегла,
твоим молчаньем окольцована –
в твоём тепле – мне нет угла.

Найду приют за краем света –
куда еще нести беду? –
и в дом опального поэта,
как Анна некогда, войду,

причастницею стану круга –
тех, кто в ненастье жить привык,
и стану нищенкой-подругой,
ведя воронежский дневник,

когда-то живших здесь поэтов
припоминая имена –
в Воронеже, за краем света,
давно, в глухие времена...

Зимняя сказка (Катюше)

Расскажи мне о Птице Синей
может, время для нас остановится,
и в ответ я спою тебе зимнюю
сказку, где ангелами становятся

вслед за певцом уходящие дети,
звуком влекомые в дали, в озера...
Ведь голоса – это просто сети,

словно круги на воде, узоры...

Расскажи мне о Синей Птице –
притчу мастера Метерлинка,
вспомню я – как с каждой страницы
девочка тихо сдувала пылинки,

лишь потому – что было отказано
в жизни ей – с окончанием счастливым,
все же мы, вспоминая, празднуем
сказки любимой сюжет, переливы,

потому что, читая, она уходила
в те, известные ей, просторы,
потому что сердце ее не остыло,
на страницах встречаясь – с небесным узором...

Больно искать ускользнувшее слово –
клавиши выпали, высохла лира,
больно – разжать горизонта оковы
на полукруглом темени мира.

Все же надеюсь, все же одаришь
щедрою болью вольное сердце,
словно коснешься – лесенки клавиш,
словно оступишься песенкой в детство,

словно отступишься в звуке на йоту,
чтобы уйти в зазеркалье рояля,
чтобы продлить ту высокую ноту,
помнишь, в дороге – её потеряли,

словно ошиблись поющею дверью –
видишь, открыта она, будто рана,
словно мы собирали коренья
горному племени в снящихся странах,

словно не в силах уже разогнуться,
тень отыскать под распахнутым зонтом –
ангела крыльев, чтобы вернуться
в край наш, затерянный за горизонтом,

чтобы печать ускользнувшего слова
лесенку клавиш болью скрепила,
чтобы былое вернулось уловом
песенки детства на нотных стропилах.

Я возьму кусочек прозы жизни нашей,
разобью и склею заново по строчкам,
чтоб склониться, как те Ангелы пред чашей,
в час, когда поставит Кто-то где-то точку.

Может, ты по строкам кротким пробежишься,
до конца не зная – что же мне ответить,
может, тенью рядом в том кругу склонишься
перед чашей... И лучей прольются сети.

Так замрем мы, словно образуя фреску,
словно мы мечтали о таком исходе,
видишь – линией размытой чуть, нерезкой,
нас какой-нибудь Рублев уже обводит.

Так застынем, кисти мастера покорны,
высшей воле (не своей былой капризной),
лишь почувствуем – пока еще просторны
грешным нам – святые эти ризы.

Нам склонения – еще опасна поза,
от движенья чаша может вдруг разбиться,
я тебе верну кусочек нашей прозы,
потому что мы – не ангелы, а птицы...

«Ты новый в сердце запиши пароль»

Я для тебя в ладонях сберегу
слова, что очерствевшею бумагой
потеряны, но там на берегу
они плеснут соленой крепкой влагой,

на буквы, как на капли раздробясь,
слова к тебе потянутся цепочкой,
меж нами восстанавливая связь,
взойдут дымком как облако непрочным,

воздушный перечеркивая путь,
нас поведут вдоль облака по кромке,
и ты слова иные позабудь,
а только эти прошепчи негромко,

в моей судьбе припоминая роль,
когда-то сыгранную наудачу,
ты новый в сердце запиши пароль –
беря в ладони ворох слов прозрачных...

Поэтам, жизнь мою – сложившим

Я продолжаю то, что до меня
возникло в пожелтевших чуть страницах,
я просто часть упавшего огня,
я лишь звено в протяжной веренице.

И ты строку, как душу протяни,
преодолей привычный страх небесный
пусть мы останемся лишь в их тени,
но мы продолжим тех, ушедших, песни.

Вберем в себя разящий смелый звук,
проникнем в мысли, в даль продолжим строчки,
которыми пленен навечно слух,
и разорвем безмолвья оболочку,

Пусть, как для них, последним станет день
– его оправдывает только слово
учителей, которых чтим мы тень,
путь продолжая – нет пути иного.

Я как молитву буду повторять
слова не тех, кто в стане отлюбивших,
а тех кого, так страшно потерять –
поэтов, жизнь мою – сложивших...

*«По дереву дрожь осужденья прошла,
Смоковницу испепелило дотла...»*
Б. Пастернак

В вечности ничто не исчезает,
и в бесплодной доле есть урок.

Сожжена – смоковница являет
чудо то, что совершает Бог.

Как тяжка, должно быть, эта участь –
быть испепеленной... Став трухой –

всё же жить, раскаиваясь, мучась,
чтобы стать в Евангелие строкой.

Эта участь – наша, тех виновниц,
что умолкли, может, на года –

в пламени сгорающих смоковниц,
не дающих Божьего плода.

Взгляд весною на дорогах ищет
ту, что я сестрой бы назвала –

героиню самой горькой притчи,
ту, испепеленную дотла...

* * *

«Когда всё пред тобой сожжено...»
Борис Пастернак

Всё же – сердца комочек доверчив –
Он обиды покорно таит...

Божьей линией скупо очерчен,
Божий Образ, как искру хранит.

Его п'олнят небесные токи,
В нем горячее плещет вино,

В нем растут новой жизни истоки,
Когда прошлое – вдруг сожжено.

Пусть страница свободна, как прочерк,
Пусть златится на книге торец,

Под конец – жизнь становится проще,
Наконец, наконец, наконец.

Сердца вздох – вздохом ветра изрублен,
Сердце помнит, что жизни конец –

Час, когда из сердечных зазубрин –
Прорастает терновый венец...

Всё кончилось... А я – жива

Всё кончилось... А я – жива,
Но лишь душа о чем-то плачет,
Но свет во тьме еще маячит,
Рассеян кружевом метельным,
Как бы намеченным едва,
Как проступившая листва
В прохладе рощи беспредельной,
Или – прозрачные слова,

Когда они, еще бесцельно,
Блуждают, словно острова,
Чтоб стать напевом колыбельным...

Мы еще нарыдаемся в досталь,
Чтобы стала душа – тишиной,
В дни, когда нам читают Апостол
В гулкой церкви прозрачной весной.

Мы протянем горячие руки,
Возжигая свечу перед тем
Одиноким распятым, где муки
Нам воочью даны на кресте.

Грех последний слезами стирая,
Повторяя молитвы без слов,
Мы поймем: только душу теряя,
Обретем ее в вечности вновь.

Пусть возносятся наши рыдания
Над скрещеньями тайных дорог,
На которых, в принявшем страданье
Человеке – рождается Бог.

Мы готовы стоять в гулком храме,
Где уходит душа на простор,
Мы готовы играть в этой драме,
Зная – Кто – автор и режиссёр...

«О как держать мне надо душу...»

О песнь глубин той жизни, что моментом
украшена – когда, как две струны,
звучим мы в унисон, став инструментом
в руках того Творца, кому даны

мы для прикосновения смычк'а,
который извлекает звук невинный
и единит сокрытые глубины
двух душ, когда до них дотронется слегка

в тот час, когда мне из твоей орбиты
вновь на свободу выйти не дано,
когда покрыто сумраком – окно,
стена и дверь, шкапулка, в коей скрыты

листки разрозненные наших повестей,
начавшихся от утренних вестей
Архангела, от слов дождем размытых,

но все же выползающих на сушу –
тех слов, которых мне не удержать
так, чтоб они – твою не задевали душу,
так, чтоб мою – мне до конца держать...

Мелхола

Порою ждешь, чтоб всё уснуло
чтоб тишиной свечу задуло,
пробились лунные лучи,
чтоб за печатью дней, за гулом,
сквозь тысяч-летья различить –
о чем Давид поет Саулу...

Какою силой мог он, отрок,
рассеивать потоки мглы –
ведь песни путь, как жизнь короток,
и злом обвиты все углы...
Но перед тем, кто сердцем кроток

сдается зло... И лишь Мелхола,
ко прочим женихам суха,
не избежав судьбы укола,
клянет Давида-пастуха,

но от предчувствия сердце ноет
и, странным пламенем горя,
она мечтает стать женою
то ль бедняка, то ли – Царя...

Береза и время

Времени пряжа тянется,
распутываясь в дали,
где пряди березы касаются,
чуть косо, края земли.

Береза растет за околицей,
поскольку земля мала,
в краю, где блещут на Троицу
вещие колокола.

Воздушной пряже не больно,
она задевает, легка,

вечности колокольню
видную издалека,

где вольные колокольцы
голосом ветра поют,
когда березы на Троицу
из прядей косы плетут.

Может быть, пряжа прервется –
времени как устоять? –
когда березой сплетется
в к'осу последняя прядь...

«Отвага твоя – лишь Ангела услуга»

Исчезла музыка вчерашняя,
а звуки новые в разброде,
но ангел приручен домашний,
он как двойник по дому бродит.

Он по лучу, как по дорожке,
сошел из облачной пустыни,
крылатой тенью осторожной
вошел в судьбу, скользя меж линий

ее... Вступая в связь с вещами,
как будто зная сокровенный
их смысл и прошлые печали,
как будто тонки стали стены

той комнаты, где словно третий,
преодолевший расстоянье
разлуки – лик твой на портрете
царит как жизни свет – недавней,

запутанной, которой прелесть
не оценили мы и в шуме
времен забыли шелк и шелест
страниц единственных – их сумма

и есть та лепта коей платим...
А прочие – спадут как листья
и станут пеплом на квадрате
твоих портретов чьей-то кисти,

с которых ты, не сделав шага,
войдешь в мой дом, предав разлуку,
не понимая, что отвага

твоя – лишь Ангела услуга.

Я снова в доме том, где летом
четыре комнаты пусты,
где, ветхи, Ветхого Завета
всегда распахнуты листы.

Там вновь читаю я о этом –
как старый Бог, гордясь Собой,
мир создавал – и тьму, и светы,
четыре комнаты и лето,
а в день шестой и нас с тобой.

Я снова в комнате, где сети
плелись судьбой – добра и зла,
где только музыка свидетель
любви, которая была

в часы, когда спускались шторы,
и гасло время на часах –
любви единственной, которой
сюжет не гас на небесах.

Я в комнате, где на рояле
от тех времен не стерта пыль,
где по Завету мы сыграли
любви первоначальной был.

Былины плоть вросла в бумагу,
старинных слов не разобрать,
но их еще питает влага,
в которой Божья благодать,

и этой влаги есть крупица
в твоей, моей, в любой крови,
и потому ветха страница,
где говорится – о любви...

***«Над тем стихом, что был зазубрен
тобой когда-то наизусть...»***

Укором мне – путей неровность
твоих, моих, но я молюсь
о том, что я вернусь, опомнюсь,
ответным светом озарюсь.

Лучей игра всего попытка –

чтоб пытку памяти стереть,
и лишь неистребимость свитка
мне позволяет в даль смотреть,

где так тонки страницы ребра,
так невесом ее завет,
где радуга строки, как образ,
лишь повторяет божий свет,

которого не видит зрячий,
запутавшись в сети теней,
который я, встречая, прячу
в случайность, в безразличие дней.

Но щедрый свет приняв в тетрадку,
чтоб истребить словесный вздор,
я жизни нить вплетаю в прядку
ветвей бегущих на простор.

Их тени, как гряда зазубрин
над комнатой, хранящей грусть,
над тем стихом, что был зазубрен
тобой когда-то наизусть...

«Поэт, отвергнутый земной державой...»

Но в тишине, с которой я дружу,
дрожит тропа в неслыханную веру –
твою, твою, которой дорожу,
душа распахнута, раскрыты двери,

квадрат окна, задернутый фатой
березовых ветвей туманным утром,
кремнистый путь становится святой
дорогой, припорошен звездной пудрой,

и как строка, ее крутой излом,
обозначает шаг бесповоротный
туда, где птица райская крылом
вдруг открывает райские ворота,

ты снова вспоминаешь древний стон
дверей держащихся на петлях ржавых,
за вечность принимая краткий сон –
поэт, отвергнутый земной державой...

«Ветер утих. И утих вечер утих...»

Велимир Хлебников

Дальний угол лесной луговины,
где бегущего времени нет,
где росу пригубивши невинно,
в травах скроется солнечный свет.

Мы, нечтущие тайной поблажки,
к буйным травам на миг причтены,
словно, в грешном гаданье ромашки
наших дней лепестки сочтены,

и пути наши стали лучами,
стали речи – речной тишиной,
и прозрачной грядой иван-чая
мы отрезаны, точно стеной,

и осталось лишь – нам постараться
так пройти, чтоб не сбить гибких вех,
в зыбких травах забыться, остаться,
утихая, как ветер утех –

угловые жильцы луговины –
где бегущего времени нет,
где росу пригубивши невинно,
ночью с травами спит звездный свет...

Памяти Галины Воропаевой

Плыть, иль не плыть... Наверное, она
такой вопрос себе не задавала
и поплыла туда, где тишина
пустую колыбель – уже качала

Там, где ждало иное бытие,
куда она плыла и где – затихла,
не осознав, что стало для нее
то озеро – уже прохладней Стикса,

где стали капли вечною росой –
и, говорят, она еще дышала...
но Та, что бродит около с косой,
ее, как деревце, уже срезала.

Не рассчитала сил?.. – нам не узнать –
но след за ней, не думая, посметь бы...
Ведь разве можно точно рассчитать –
когда придет великий час бессмертья...

Ветошь брошенного пледа

Строго в полночь льют тревогу
в час сближения две стрелки,
соль зернистая дороги
переходит в гравий мелкий.

Тень твоя, уйдя бесследно,
возвратилась и воскресла,
тень окна, как ветошь пледа,
брошена лучом на кресло.

Серебрится стрелки веха,
занавеска мелко дышит,
мы живем в случайном веке,
где лучом никто не пишет.

Только те, кого сближает
ночь, натянута на пальцы
голых окон... Обжигает
лунный свет, проплыв сквозь пальцы

тех, кто каждый час рисует
вензель слова на странице...
Стрелки каждый час рискуют
не сойдясь остановиться,

поминутно разрушая
время, что пройдет бесследно...
Только кресло воскрешает
ветошь брошенного пледа...

К исходу дней груба кора
на древе жизни. Жижее крона,
и лист летит, дитя урона,
в траву, что от дождя сыра.

Но мы растем еще в ответ —
питомцы Высшего начала,
труба, как ангел, закричала,
Рука, что колыбель качала,
напишет Третий нам Завет.

Протяжны семь небесных нот,
но мы их слушаем — вполслуха,
как речь Пророка... Царство Духа

на землю медленно плывет.

Таись, скрывайся и молчи,
когда исход уже не важен,
в простых замк'ах небесных скважин
поют Апостола ключи,

им вторит рамы мерный стук
ручьём полночного анданте
там, где в душе бродяги-Данте,
наверно, сложен Первый круг.

Памяти Александра Солженицына

«Когда погребают эпоху...»

Анна Ахматова

Сквозь лампадные блики
слова в дневнике процвели:
«Еще один умер великий
писатель Русской Земли...»

Щедро роняет влагу –
и не стереть с лица –
царственный месяц август,
оплакивая Певца.

Слез своих лепту-кроху –
к природе добавим и мы...
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы.

Величие – не измерить,
аршин Ему общий мал,
Пророку можно лишь верить,
словам, что он нам сказал.

Слова его стали св'яты,
слышны сквозь времени гам –
он был наш первый Вожатый,
проведший по Первым кругам.

Он до последнего вздоха
нас выводил из тьмы...
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы.

*«Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.» Борис Пастернак*

Пусть фарисей бросает камень
И пробуждает пустоту...
Мы, уходя еретиками,
Вновь открываем – простоту,

И слышим, как растет былинка
На круглом земляном плече,
Как тает смуглая ложбинка
На полуночнике-свече,

С оливой – пролетает птица,
Ища для вести чей-то кров,
Дрожит, как женщина, страница
От сказанных тобою слов,

Спадают облака, как шторы,
Закрыв небесное окно,
Но пропускают свет, который
С Фавора послан был давно,

И в летний день Преображенья,
Как будто, кто-то говорит:
«Как просто Божье отраженье,
которое – в тебе горит...»

Моему Сыну

Услышу ли, как вдохновенно
ты, словно тишину, сбиваешь
Шопена траурную пену,
перебирая ребра клавиш...

Увижу ли, как из-под пальцев,
как будто сотканы тобою,
растут и гаснут волны вальса
и разбиваются прибоем

вдоль берега, что ты покинул,
тебе мое невнятно слово...
Но сеть, которую закинул –
твоя – уже полна улова

тоски, шумящей из-под пальцев –
когда-нибудь и звук прервется,

когда, натянута на пальцы,
даль между нами вдруг – порвется...

Слова бегут

Слова бегут сбиваясь в стансы
как бы Создателю в ответ.
Из них я строю то пространство,
которого на свете нет.

В озера глаз твоих осенних
впадает медленно река
тех облаков, чьи отраженья
застыли будто на века.

Пока объятий гибки своды
и зыбки чаши на весах,
моим глазам открыт свободно
подводный мир в твоих глазах.

Я знаю, что ты тоже видишь,
когда одни мы в тишине,
как отражен дрожащий Китеж,
как будто бы ответ во мне.

Пока прочны строений сваи,
я, взглядом может быть скользя,
найду вдруг то, чего словами
земными выразить нельзя.

Ведь я творю при лунном свете,
как бы Создателю в ответ –
из снов, из слов, из междометий
лишь то, чего на свете нет.

О поэзии

*«Ты – пригород, а не припев...»
Борис Пастернак (о поэзии)*

Не место человека красит,
и сколько б ни бродил по свету,
оно – конечно, в третьем классе,
лишь это место – для поэта.

Оно, конечно, в электричке,
поэт ведь тоже часть народа,
далекой юности привычки

становятся второй природой.

Ведь мало места на Парнасе,
должно быть, там всегда скучают,
поскольку лишь в небесной кассе
свою награду получают.

Но тот, кто едет в классе третьем
на пригородной электричке,
хотя в бессмертные не метит,
во тьме – его лишь слово светит,
сгорая на ветру как спичка...

«и для венца еще виск'и прохладны»
Райнер Рильке

Взгляд веселит звезды лиловый блеск,
тень облака смягчит, вздымаясь зонтом,
укол луча... Однообразен плеск
волны холмов, бегущей к горизонту.

Но для венца еще теплы виск'и,
четыре стороны земного света
уймут истому будущей тоски,
готова сердце к близкому сюжету.

Душа воздушна, жизни плоть груба –
в пустыне дней с растительностью скудной
молюсь о том, чтоб долгая тропа
не обрывалась тишиной безлюдной,

чтоб одарила дрожью лепестка,
чтоб он прохладой губ огня касался,
чтоб горький уксус смертного глотка –
вином причастья сладкого казался...

«А им дано, гадая, умереть...»
Осип Мандельштам

Неряхи-пряжи, что же вы соткали –
на сотни строк распалось полотно –
как я, наверно, в облаках витали
в дал'и полночной, с нею заодно.

Закутай плечи мне той млечной пряжей,
освобождая от былых оков

любви твоей, как от пустых миражей
лебяжьей дали влажных облаков.

Пусть в пустоте прозрачная холстина
натянется, как облака лоскут,
мой белый флаг, когда летишь с повинной –
куда нас судьи-ангелы влекут.

Я в пеньи муз твой голос различаю,
но только прочь он от меня летит,
я знаю – голосом твоим печальным
мой ангел в час суда меня простит.

Мужчина жребий выбирает в битвах –
об этом было сказано давно...
А женам – только в праведных молитвах,
или гадая, умереть дано.

***«Обула Сафо пестрый сапोजок..»
Осип Мандельштам***

Облаков разорванный простор –
никаким лучом теперь не сшить их.

Снова затевает разговор
с памятью какой-то небожитель.

Коль ушла из жизни благодать,
если день похож на грустный прочерк,

к устью строчек – мне не добежать,
потому, что дни короче строчек.

Оставляет луч ночной – ожог
на странице, что была не тленна...

Где найти мне пестрый сапोजок,
как у той, Сафо из Митилена?

Сл'ова – не предугадать полет,
но когда душа покинет тело,

я б, как Сафо, сапोजок одела,
с Музами водила б хоровод...

«Слова, ненужные устам»

Слова, ненужные устам,
покорно примет плоть листа,
тетрадь в раскрытые ладони –
как путь в холодном декабре,
строка, как будто в серебре,
в словах сверкающих потонет.

Пока исток не обмелел,
слова, вбирая лунный мел,
твои ладони выбирают,
чтобы со мною заодно
их отпуская через окно –
лететь до призрачного Рая.

Попал ты в сердце, а не в бровь,
и потому горит как кровь
мой горизонт, от горя жарок,
пустых речей не говори,
но на прощанье подари,
чтоб дни согреть – свечи огарок,

чтоб слова лунная коса
разбила зовом – небеса...

Мы уже приближаемся к этому
рубежу, что мостом горбатым
нарисован кем-то над бездною
и чертой обозначен закатной.

Может, в слове, порой, мало смысла,
если слово тлена коснется –
я теперь доверяю числам,
лишь число рубцом остается

на коре облетевшего древа,
где круженье колец прервется...
Пустота начинается слева,
там, где всё еще сердце бьется,

словно бьется, в сердцах, посуда,
и не видишь белого света,
словно день наступает судный –
только ты – не готов к ответу...

«Ко дню Людмилы холодеют дали»

Ко дню Людмилы холодеют дали,

и хризантемы царственно горят,
я помню, наши голоса витали
здесь, в этот день, к исходу сентября.

Но я давно живу не по уставу,
земных поклонов долгих не кладу,
и вместо музыки твоей – лишь ставней
святое пенье в пену строк краду.

Ко дню Людмилы даль похолодела,
листья ковром укрыт глухой пустырь...
Как без тебя жилище опустело! –
и дом похож на дальний монастырь.

Дни провожу, не ведая запретов,
и знаю – никому уже не снюсь,
но лику твоему с холста портрета
я, как иконе, каждый день молюсь.

В окошке взгляд родной звезды пастушьей...
Я знаю в простодушной тишине,
что ты в скиту каком-нибудь, послушник,
молитвой той же просишь обо мне.

Похолодела даль ко дню Людмилы,
и стрелами дождя простор раним,
и журавлей косяк трепещет длинный,
вбивая в небеса прощальный клин...

К Покрову

1

Горизонт алой лентой горбится...
Ты приедешь ко мне на Покров,
в этот день, когда Богородица
влажной тканью обвяжет кров.

Мошкаркою пусть долго кружат
тени хлопьев вокруг свечи,
в доме пусть тишину обрушат
твои речи, став горячи...

На пол капли воска уронишь –
темноту разогнать в тиши,
или струны рукою тронешь,
задевая струны души.

Что бы ни было – всё во благо –

лишь бы быть с небесами в ладу,
чтоб кружилась снежная влага,
отгоняя от дома беду.

2

Любовной пытки путь продля,
мы свой роман недолистали,
но вдруг увидели: земля
укрыта желтыми листьями,

и сеет золото фонарь,
и поздний свет ложится ровно
туда, где шепчет календарь
о наступившем дне Покрова,

когда, начавшись, разговор
молитвой медленной прервется,
и Девы снежный омофор
над нами облаком прольется,

когда уже не отыскать
от боли действенное средства,
когда так щедро благодать
лучом рассветным входит в сердце.

ТУРГЕНЕВ

Куда погнаться за мечтой,
пространства отвергая бремя? –
в тот век, прозрачно-Золотой,
свой легкий обруч катит время.

Там вечерами пьют бордо,
в гостиной – каждый третий – гений...
поет Полина Виардо,
и слушает ее – Тургенев.

И время, словно легкий плуг
в земле разрыхленной искрится,
и укрывает Бежин луг
цветами каждую страницу.

Девичий взгляд волнует кровь,
судеб концы еще не видны....
Владимир – первая любовь,
толпа гостей у Зинаиды.

Век Золотой... Его певцы...

Романы тянутся, как сети,
и там влюбляются «отцы»
в девиц, которых любят «дети».

Но падает осенний лист,
век обречен на смерть, на муку...
И умирает нигилист
не за любовь, а за науку.

Проходит всё – любовь, беда,
но на века бессмертен гений...
и в русском слове навсегда
в Россию шествует – Тургенев.

«До тебя долетев – я сгорю»

Дождь ночной, шепоток утешительный,
на минуты время дробит –
между нами время мучительно
льется – требует, тербит.

Поражение лучше победы –
мысль погаснув, нас ослепит,
перелетный лебедь последний
к своему созвездью летит,

словно к брату родному, звездному,
что над ним в небесах горит,
но уже возвращаться поздно,
долетев до него – он сгорит.

Поражение лучше победы –
из беды я слова сотворю,
небеса отворив последние,
до тебя долетев – я сгорю.

«Прислонясь к дверному косяку...»

Борис Пастернак

Разреши мне снова прислониться
к твоему дверному косяку,
я минуты эти на страницах,
время это – сердцем засеку.

Пусть ладонь твоя сегодня жёстка,
пусть горьки слова, что ты сказал,
разреши мне выйти на подмости

в этот гулом оглушенный зал.

Свет твоей звезды окрасит раму,
прибавляя к старой боли – боль...
Разреши в твоей высокой драме
мне сыграть свою пустую роль.

Разреши мне поклониться молча,
кинуть в зал короткое «Прости...»,
разреши мерцанье этой ночи
до тебя в ладонях донести,

до конца пройти пустынным полем,
что когда-то – жизнью назовут,
где душа отпустится на волю,
если душу свыше призовут.

Разреши мне молча поклониться,
это время сердцем засеку...
Разреши мне ночью прислониться
к твоему дверному косяку...

Огибая памяти задворки,
подхожу к запретной тишине,
где страниц распахнутые створки,
словно жизнь еще доступны мне,

словно прохожу путем старинным,
словно восстанавливаю связь
с часом тем, где плачем журавлиным
стая слов над нами вознеслась –

слов твоих... Еще их контур брезжит,
в памяти очерчивая тыл
там, где мглы обугленные бреши –
облик твой как облаком закрыл.

Я смотрю туда до боли-рези,
отыскав исток времен реки,
чтобы о тебе так долго грезить –
до конца не тающей строки...

Но где же ангел мой вчерашний,
кого он в даль крылом уводит
туда, где колокол на башне,
и звон над горизонтом бродит?

Теперь он свет в чужом окошке –
где лентами дорог пустынных
земля обвита осторожно
и святочным подарком стынет.

Он вздохом был моим прощальным
в родных ему когда-то стенах,
он, ничего не обещая,
был рядом где-то – ношно, денно.

Он из лучей сплетая сети,
и сам в них попадал недавно,
в моей старинной келье-клетки
был пленником, что птицам равны.

Осенняя прохладна влага,
дорог узлы, как узы, туго
завязаны земле во благо,
чтобы тропа была упруга.

Слова мои повторит ветер,
сплетясь с дождем, со скрипом ставни,
когда в пути твой слух их встретит
как плач молитвы над устами...

Я помню, что мне с детства был подарен
судьбой неровный робкий почерк,
чтоб написать подробный комментарий
к одной задуманной небесной строчке,

чтоб написать про зимнюю природу,
как мне метель узор на окна лепит,
ну, пусть не выйдет «грифельная ода»,
а лишь горячий дневниковый лепет –

к полуночи, когда так тесно стрелки
сольются в час, когда тебе не спится,
когда я алфавита бисер мелкий
так щедро рассыпаю по страницам...

Но он в твоём качнется зазеркалье
полупрозрачным эхом отраженным,
и ты увидишь – как была печальна
жизнь, что казалась нам – преображенной.

Ловит слух шуршание песка,
снова время перешло на шепот,
чтобы мы прислушивались, чтобы
луч звезды коснулся бы виска... –

Той, что миллионы лет назад
где-то в необъятности угасла,
но горит над нами точкой ясной,
к небесам притягивая взгляд

твой, чтоб ты сегодня не был строг
с кем-нибудь, со мной, по крайней мере,
чтоб лучом мы отпирали двери,
на родной переходя порог

в дом, где паутиною тоска
на оконных растянута пядьцах...
чтоб опять мои бродили пальцы
над прохладой твоего виска,

чтобы ты услышал, как шуршит
тот песок, что замедляет время
в час, когда спадает жизни бремя,
но звезда угасшая – дрожит...

«Только в спальне горели свечи...»
Анна Ахматова

И наши речи – свечи озаряли,
чтоб от беседы беды отвести,
когда мы разговора нить теряли,
чтобы себя в молчаньи обрести.

Полоска света рассыпалась плоско –
и веер лучевой на потолок
ложился, мерно капли воска
печатью закрепляли ночи клоч,

чтоб не могли вернуться мы обратно,
а быть лишь здесь, где нам Господь судья...
В пространстве, вырванном из ровного квадрата,
из нежилого фонда бытия,

где тени наших рук сплетали петли
на стенах неустроенных углов,
где таяли те сети на рассвете,
чтоб сохраниться лишь в обрывках слов,

чтоб вспоминали мы, что были рады
тому, что приютила – тишина
и нас когда-то, находя в тетради
мгновенья жизни, мимолетность сна...

Я путь к тебе измеряю в верстах –
столб полосатый лунно серебрится...
Поземка вдоль обочины змеится,
как след твоей улыбки на устах

в те дни, когда ты в доме где-то был,
как незаметный Ангел всюду, рядом,
кольцо из рук мне не было преградой,
но означало безопасный тыл.

И падал на веранду снежный прах,
я разговора нить тогда теряла,
потом в судьбу её всегда вплетала
одна из наших осторожных прях,

оканчивая этим жестом день,
обрывок жизни без конца-начала...
В реке времен, наверно, нет причала,
но прошлое отбрасывает тень,

и в новый день вплетается легко,
и облаками проплывает низко,
и снова что-то подступает близко –
то, что казалось – где-то далеко...

К Рождеству

Этот путь нам еще не ведом,
путь, что здесь святым наречён –
вспомним всё же о Плотнике бедном,
Деве, коей он обручён.

Мысли тянутся к давней теме,
к тем страницам из кратких строк,
к той истории в Вифлееме,
где Звезды неизбежен ожог,

от которого в сердце рана –
каждый вспомнит свои грехи –
зимним утром, когда так рано
за Звездою шли пастухи,

чтобы увидеть Деву с Младенцем,
шли на Запад, покинув Восток,
чтобы осталась рана на сердце,
чтоб от лучей получить ожог...

Это путь – он не нами вычислен,
путь поражений и путь побед –
всё же светит Звезда две тысячи,
нас обжигая, две тысячи лет.

НО ОБРЕТАЕТСЯ ЦАРСТВО

Катюшино стихотворение (лето 2006 года)

*Мария Египетская на иконе –
Любезней она всех бабочек.
И всех она любит, даже злых,
особенно добрых.*

*Но когда мы видим всех святых на небе,
Значит, мы сами на небе.*

*Но бывает еще больше –
если среди них Бог,
то воскликнешь – Бог!*

Песня для Катюши

Сон лепестковый,
лепет, метель,
золушкин домик
среди леса,
райская дверца
рвется с петель...
Верится ли –
принцесса?

*Сон позабытый,
душе горячо,
в сказке скрыто
лукавство,
что-то теряется,
как башибочок,
но обретается
царство.*

Вьется ладан,
уходит печаль,

туфелька падает
зыбкая,
Лесенка – или
песни причал,
струны – перила
гибкие.

*Сон позабытый,
душе горячо,
в сказке скрыто
лукавство,
что-то теряется,
как баимачок,
но обретается
царство...*

Русалочка

За тобою, тебе уступая,
я бегу, ты меня позабудь.
Как по лезвию – я ступаю,
и уступами вьется путь.

Я пою... Ты меня не слушай.
Сушей, морем ли – лишь брести
за тобой... Чтоб бессмертную душу
на воздушных путях обрести.

Голубее прибой – вены
утомленных жизнью рек...
Не полюбишь – прильну я пеной,
бранный твой укрывая брег.

Убегу... Мне себя не жалко –
вечер, вечность ли на весах..
Не ропщу – я твоя русалка –
ангел русский твой – в небесах...

Маленький Принц

Приучи меня – к дальним звездам
и к ручьям лучей вдоль страниц.
Приучи меня – коль не поздно,
к редким встречам с тобою, Принц.

Приручи меня – тихой речью
о далеких твоих мирах.
Приручи меня – каждой встречей

отгоняя неверья страх.

Приручи меня – кротким смехом,
иногда похожим на плач.
Приручи меня – дальним эхом,
пусть вздохнет от шагов твой плащ.

Приручи меня – зорким сердцем,
чтоб строки серебрилась стезя.
Приручи меня – чистым детством,
о котором забыла я.

Приручи меня – к звездам дальним
и к ручьям лучей вдоль страниц.
Приручи меня – к той печальной,
к той последней разлуке, Принц...

Бабочка шоколадная

Памяти даль просторную,
как вышину, не зазорно
нам разделить на двоих,
помнишь, из выси горней
ангел, слетев, в ладонях
бился в моих, в твоих –

часть тишины прохладной,
бабочка шоколадная,
крылья, мельканье, вздор,
но воздух уже – как ладан,
но сквозь ладони угадан
линий живой узор,

дальних миров дыханье
подарено нам – часть дани
небесной – душе земной,
в ладонях, в земной лохани
плещется, плотью ранена,
та, что опять тишиной

станет, когда без усилия
ты разомкнешь, как крылья,
темницу, скорлупку, ладонь,
бабочка, ангел, или –
сплетенье случайных линий –
взлетит, оставляя – огонь...

День Сурка (песня для Анечки)

Весна... Еще сырой порог,
но дни чудесней...
Но просыпается сурок –
весны ровесник.

Еще сорока не летит –
для скорой вести...
Но уж сурок-дружок стоит –
весны предвестник.

И ветра вздох еще суров,
и мерзнет речка...
Но просыпается сурок –
весны предтеча.

На кочке – тучкою стоит
сурок, страж вечный...
И нам сегодня предстоит –
с весною встреча.

Принцесса на горошине

Веруешь, иль не веришь,
задуманное – случится,
фея-нищенка в двери,
в царский дом постучится.

Веточка, посох дорожный –
с просьбой крова и хлеба...
Но тюфяки с горошиной
в келью внесет королева.

Фея молитвам научена,
пальчики стиснет до хруста,
утром встанет, измучена
царским ложем прокрустовым...

Если дано испытанье,
с молитвой свершишь – невозможное,
только бы знать заранее,
где же лежит горошина...

Жизни нить перепутана,
угадывать – дело привычное,
в ткань земную окутано
Божье зерно горчичное...

Сандрильона

В самой дальней сторожке
Золушка жарит картошку,
вечный – в печке огонь...
Фея берет осторожно
Золушкину ладонь.
Крошка надеждой согрета –
тыква вместо кареты,
кони - шестерка мышат.
Где-то на краешке света –
бал и огни дрожат...

Капельки легкого звона –
вечны – сказки законы,
время – с бала бежать.
Снова должна Сандрильона –
туфельку потерять...

Туфельки – хрупкие ножны
для ступни осторожной –
ложе из хрустала.
Тот, кто надеть ее сможет –
станет женой короля
ранней порой весенней –
сказка, судьба, везенье,
тропка, дорожка, стезя...
Вечное вознесенье –
из нищеты – в князя...

Капельки легкого звона –
вечны – сказки законы,
время – с бала бежать.
Снова должна Сандрильона –
туфельку потерять...

СТИХИ МАЛЕНЬКИЕ ДЛЯ АЛИКА

КАРАНДАШ

Карандаш я не обижу,
Нарисую всё, что вижу.

Здесь живу я – это дом,
Это – Божий мир кругом,

Горы, реки и моря...

А художник – это я!

СНЕЖИНКА

Осторожно на ладошку
Прилетит снежинка-крошка.

Я её не потревожу –
На Звезду она похожа.

Я её тихонько сдую,
В дом вернусь и нарисую...

ЧАСЫ

Время мне узнать несложно –
Стрелки на лучи похожи.

Обозначит стрелка-луч
День встающий из-за туч.

Обозначит стрелка-дочь
Наступающую ночь.

Просто стрелки-близнецы –
Это времени гонцы...

ГОЛУБЬ

Голубь сядет на окошко,
Я ему насыплю крошки

И спою молитву вслух.
Знаю, Голубь – это Дух!

РАЙ

Это – рай, а это – древо,
Вот Адам, а рядом Ева.

Рай тревожить я не смею –
Я не нарисую змея...

ОСЕНЬ

Листик с дерева слетает,
Это – осень золотая.

Мне четыре, а не пять –
Как про осень написать?

Что же делать, вместо слова –
Нарисую лист кленовый.

ДАЛЬ

За окошком даль – светла,
А за далью два крыла,

Как два облака тают –
Это ангел пролетает...

КОРАБЛИК

По волнам летит кораблик –
Веселей волна играй!

Он, как я, такой же храбрый,
Мы плывем в далекий край...

КОШКА

Занавеска на окошке,
А за нею – Мурка-кошка

Спряталась, комочек рыжий,
Думает – её не вижу...

ВЕЛОСИПЕД

Это – мой велосипед,
Он меня умчит от бед,

Нажимаю на педали,
И лечу за далью в дали...

СЕМЬ НОТ

Вот игрушка – клавишин –
До- ре-ми-фа- соль-ля-си...

А потом, наоборот,
Проиграю я семь нот,

Ведь вся музыка на свете
Состоит из ноток этих.

МОТЫЛЁК

Если кружит мотылёк –
Он летит на огонёк.

Свет я в доме не зажег,
Чтоб он крылья не обжег...

МОЯ АЗБУКА

Буквы знаю я уже:
А, Б, В, Г, Д, Е, Ж.

Буква – это в мир окно:
З, И, К, Л, М, Н, О.
Как кирпичики стиха:
П, Р, С, Т, У, Ф, Ха.

Вот и азбука моя:
Ц, Ч, Ш, Щ, Э, Ю, Я.

Если что-то пропустил,
Мама, ты меня прости...

ЩЕНОК

У меня собачка Тяпа,
У нее четыре лапы

Вместо рук и вместо ног –
Ведь она еще щенок.

Я ее гулять вожу,
Потому что с ней дружу!

СТРЕКОЗА

Вот – прозрачна, как слеза,
Попрыгунья-стрекоза.

Низко над водою кружит,
С каждою травинкой дружит!

БУДУЩАЯ БАБОЧКА

Гусеницу я не трону,
Пусть откусит листик с кроны,

Ведь зеленый червячок –
Станет Бабочкой еще!

МАЛЬЧИК-МЯЧИК

Мы гуляем в парке – тут
есть большой, большой батут.

Я скачу, скачу, скачу
так, что кажется лечу...

Я лечу, а это значит –
я сегодня – мальчик-мячик!

Я РИСУЮ КНИЖКУ

Я рисую маме книжку,
на странице каждой – Мишка,

говорит мне мама ведь,
что я – маленький медведь.

Я РАСТУ

Маме надо просто верить –
Пусть меня поставит к двери.

Мама ласковой рукою
Над моею головою

Ровно проведет черту,
Чтоб увидеть – я расту!

МОЙ КОРАБЛИК

Отчего мой носик белый? –
На доске рисую мелом.

Там волна с волною спорит,
И бежит кораблик в море.

Знаю я – на грозном фоне
Мой кораблик не утонет!

МАТЕМАТИК

Ничего я не боюсь,

За компьютер я сажусь.

Раз, два, три, четыре, пять –
Всё могу я сосчитать!

Не пойду сегодня в садик,
Я, как папа – математик!

БЕРЕЗА

Вся береза облетела,
Листья больше не шуршат,

Тонко так березки тело,
Что видна – ее душа...

ПИРАМИДА

Стульчик ковриком укрою,
Пирамиду там построю

Из нанизанных колечек,
Чтоб как в древности –
навечно!

ИГРА

Есть игра с названием
«Пазлы»,
Полюбил ее я сразу.

Каждый маленький кусочек
Должен я приладить точно,

Чтоб в конце, как в сказке
длинной,
Вышла дивная картина!

ЛЫЖИ

Я живу почти у леса,
Там стоят деревья тесно.

Там зимой бежит лыжня -
Для тебя и для меня.

Я на лыжи встану скоро,
И пойду кататься с горок.

КОСМОС

В высоте, на рубеже
Нет воздуха уже.

Это знаю я давно,
Словно ночью, там темно.

Миллионы лет подряд
Только звездочки горят...

ПЕСЕНКА

Пальчики летят по лесенке
Белых клавиш, черных клавиш...

Если чуть на них надавишь -
То начнется в доме песенка.

МОЯ КОМНАТА

Стены, белый потолок,
Знаю каждый уголок

В светлой комнате моей,
Приходи ко мне скорей,

У меня есть два окна -
Вся Земля из них видна.

УТРО

Утром я шагаю прямо
В комнату, где папа с мамой,

Но сначала, по привычке,
К Ане загляну, сестричке,

Это только потому,
Что мне скучно одному.

УТЮГ

Я учусь с вещами ладить,
Вот утюг, им можно гладить,

Осторожно взявши в руки -

Маме платье, папе брюки,

Мне рубашку, а штанишки -
Моему любимцу Мишке!

ПРАЗДНИК

Если ночи стали долги,
Значит в доме встанет ёлка.

Полетит снежок с высот,
И наступит Новый год.

Каждый праздник - торжество,
Но всех лучше - Рождество!

ДВОРНИК

Снегу станет много-много,
Скоро вырастут сугробы.

Дворник поскребет лопатой –
Станут улицы горбаты.

Я с лопаткой выйду в дворик,
Я сегодня – тоже дворник,

Тоже поскребу немножко
И расчищу вам дорожку!

МЕСЯЦ

Если Месяц буквой «С»,
Значит он почти исчез.

А когда – наоборот,
буквой «Р», тогда растёт!

ГЛАВНЫХ СЛОВ СОВСЕМ НЕМНОГО

Это я усвоил строго –
Главных слов совсем немного,

Но они всему исток –
Папа, мама, Ангел, Бог!